

Рауль де Удан. Сон о Преисподней (Raoul de Houdenc. Le Songe d'Enfer): аллегорическая поэма XIII века.

Перевод со старофранцузского и комментарий Я.Ю. Старцева

Рауль де Удан (Рауль из Удана, Рауль Уданский, ок. 1170 – ок. 1230) – один из наиболее известных авторов рыцарских романов артуровского (бретонского) цикла: его определяют то как ученика и эпигона, то как конкурента Кретьена де Труа [Михайлов 1976: 210-214; Lebesgue 1908]. Авторство одного романа (*Meraugis de Portleguez*) общепризнано, авторство другого (*Vengeance de Radiguel*) – под сомнением. О биографии автора неизвестно практически ничего: в исследовательской литературе давно прекратилась, ввиду бесперспективности, дискуссия о том, какое из десятка французских местечек, называющихся Удан (Houdenc, Houdan), является его родиной. Точно так же нет никакой ясности с его социальным положением и родом занятий: по мнению разных исследователей, он мог быть монахом, странствующим жонглёром либо клерком на службе у кого-то из владетельных сеньоров – возможно, из окружения инквизитора Робера де Курсона. Даты жизни поэта также достаточно условны и определяются скорее как конец XII – начало XIII вв.

Кроме рыцарских романов, Рауль известен как автор по крайней мере двух не менее замечательных произведений – аллегорических поэм, во многом положивших начало этому жанру: это представленный здесь «Сон о Преисподней» и «Роман о крыльях» – аллегория на тему рыцарских добродетелей. Кроме того, иногда Раулю приписывается «Сон о Рае», созданный в развитие его «Сна о Преисподней», хотя, кажется, автором является всё-таки анонимный продолжатель [Micha 1944].

Аллегорические видения, в том числе описывающие путешествие в Ад, появляются во французской литературе достаточно рано, с XI в., но представляют собой преимущественно переводы с латыни, – прежде всего «Видения св. Павла», «Путешествия св. Брендана», «Видения Тнугдала» и их имитаций. Произведение Рауля из Удана – одно из первых видений, оригинально трактующих подобное странствие, и первое, где появляется достаточно популярная впоследствии тема «адского пира» [Frappier 1953: 93]. Позже этот сюжет подхватывают Гюон де Мери, младший современник и почитатель Рауля, в своём «Турнире Антихриста» (*Tournoiement d'Antechrist*), анонимный автор «Адского приветствия» (*Salut d'Enfer*) и многие другие.

Жанровая принадлежность поэмы достаточно неопределенна – вероятно, в силу неполной сформированности самих жанров. Путешествие-квест вполне характерно как сюжетобразующая линия для рыцарских романов – но и для рассказов о путешествиях, включая паломничества; персонификация абстрактных образов, как грехов, так и добродетелей, также встречается в романах, но гораздо более свойственна как раз жанру видений; наконец, ироничная, почти анекдотическая манера повествования присуща скорее фавлю, чем претендующим на серьёзность произведениям куртуазной или пиетической традиции. Ирония для этой тематики настолько нетипична, что современный исследователь задаётся вопросом, раскаивался ли Рауль за игривость тона применительно к столь серьёзным материям, – отмечая при этом, что впоследствии высмеивание дьявола, ада и грешников становится всё более распространённым в средневековой французской литературе [Frappier 1953: 89, 92-94]. Наконец, достаточно строгая композиционная структура (собственно путешествие, сцена в таверне, адский пир) также отражает типичную организацию текста рыцарских романов; позднее многие видения перенимают эту схему.

«Сон о Преисподней» послужил основой для множества продолжений и подражаний; М.П. Симонелли рассматривает его как один из источников вдохновения Данте [Simonelli 1975], а какие-то элементы «адской кухни» можно увидеть и в балладе о злоречивых языках Франсуа Вийона.

Текст поэмы известен в 10 рукописных версиях, одна из которых (No. 837 из французского фонда Французской национальной библиотеки) традиционно рассматривается публикаторами как основная. Дата написания дискуссионна, но наиболее вероятная датировка – 1214-1215 гг. [Timmel Mihm 1984: 9-11]. Поэма написана традиционным восьмисложником с смежной рифмовкой; одна из отличительных особенностей, отмечаемая как индивидуальная стилистическая примета автора – сравнительно большое количество анжамбеманов и риторических вопросов. Язык текста – старофранцузский (язык ойль), для большинства рукописей публикаторы подчёркивают признаки пикардийского диалекта. Варианты названия: *Voie d'enfeir; La voie d'anfer; Le romaunz de enfer; Le soung Raul de Houdenge de la Voie d'Enfer; Li favliaus d'infer; Du songe; Le songe d'enfer; Le songe d'anfer.*

Перевод выполнен по изданию: Raoul de Houdenc. *Le Songe d'Enfer, suivi de La Voie de Paradis : poèmes du XIIIe siècle précédés d'une notice historique et critique par Philéas Lebesgue.* Paris, éd. Sansot et Cie, 1908; сверен по изданию: Madelyn Timmel Mihm. *The "Songe d'Enfer" of Raoul de Houdenc: An Edition Based on all the Extant Manuscripts.* Tübingen: Niemeyer, 1984 (Beihefte z. Zeitschr. f. roman. Philol., 190), repr. 2015.

Сон о Преисподней

Во сне увидеть чушь – не диво,
Но сон порой речёт правдиво.
Вот и со мной такое было:
Во сне исполнился я пыла
Искать нехоженных путей –
Собрался тут же, без затей,
В пределы Ада напрямиком.
Пока добрел туда пешком –
Так за зимой настало лето.
Кого видал в Аду – про это
Вам не скажу сейчас ни слова,
Пока не распишу толково
Все, что попало на пути.
Легко и сладостно идти
Тропою, что ведёт в геенну.
День миновал, и ночь на смену –
Ну ладно, сокращу рассказ.
Заночевал я первый раз
В Алчбе, одной из деревень,
В стране названием Подлень.
Как помню, в среду было дело,
И вот в Алчбу вхожу я смело.
Там приняла в дому своём
Меня Завидня, с ней вдвоём
Мы славно время скоротали –
Её знатней найдёшь едва ли
Во всем селе; я, честь по чести,
За стол с хозяйкой, с нами вместе –
Каналья, с ней сестра, Ворина,
И Скупердея, их кузина.

Все трое прибежали скоро,
Лишь услышав про визитёра –
Не часто, стало быть, извне
Бывают гости в их стране.
Но лишь притронулся к еде я –
Ко мне пристала Скупердея:
Как, мол, родня её живёт,
И как, мол, там скупой народ –
Довольны ли, и чем богаты,
За все ли получает плату
Ей родственный сквалыжный люд.
Порадовал её: ведут
Так хорошо свои делишки
Скупцы, да скряги, да сквалыжки,
Что уж давно прогнали вон
Щедроты, чей удел смешон:
Щедротам не дают ни крохи,
Дела Щедрот совсем уж плохи –
Приюта нет, из дома гонят,
Угла под крышей – и того нет,
А уж пробиться к богачам –
Да ни за что, какое там!
Рассказ мой вызвал одобренье,
Каналья вслед, без промедленья,
Меня вопросом доняла –
Как у мошенников дела,
Чтоб отвечал я без утайки
Про плутни, выверты да байки,
Про тех, кто за неё держался.
В ответ я тут же расстарался,
И распотешил даму ту:
«Каналья стала в Пуату
Сеньорой важной и судьёю,
Царит вольготно, и не скрою,
Что замок Подлого Обмана
Она воздвигла невозбранно.
На высь холма он вознесён,
Стеной весь город окружён,
Там под защитой плутовство:
Так обнадёжили его
Изменой, подлостью и ложью,
Что веру сбросили к подножью.
Таков правдивый мой рассказ –
Не нравится кому из вас?
Но это истина прямая,
Уж я пуатевинцев знаю,
И мне известен их закон –
Каналью возвели на трон,
И под её лукавой властью
Живут довольно и в согласьи,
И ждут от плутовства совета».
Каналья вдруг в ответ на это

Давай безудержно смеяться
И мне сквозь хохот признаваться:
«Пуатевинцев я вскормила –
Для них мои советы милы,
И кто другой им вряд ли нужен».
На том закончился наш ужин,
И гости сразу распрощались,
С хозяйкой мы вдвоём остались.
А утром я пустился в путь,
Не медля у неё ничуть:
Проснулся раннею зарёю,
Простился и пошёл тропюю,
Которой брёл и прежним днём.
Как вышел, сразу за селом
Свернул налево, и пешком я
Добрался вмиг до Вероломья –
То бурелом, то буерак,
Я, как сумел, ускорил шаг,
Пробрался узкою дорожкой
И увидал, пройдя немножко –
Ко мне, радушен и щекаст,
Идёт навстречу Заграбаст,
Обмана мастер и умелец,
И всех окрестных мест владелец.
Любезен он и щедр без меры;
Поддавшись на его манеры,
Остался я перекусить.
Ему ж не терпится спросить –
Что происходит в мире сущем,
И как живётся загребушим,
Его племянникам, и как
Себя ведёт их злейший враг,
Дарений, – на его вопрос
В ответ я правду произнёс,
И вот моё повествованье:
«Дарений просит подаянья,
Несчастен, нищ, уныл, убог,
Печален, болен, очень плох,
К тому ж лишить его наследства
Найти сумели, видно, средство.
Он прозябает, что сказать.
И он бессрочно будет ждать
Призыва ко двору вельможи.
Недолго жить ему, похоже:
Дарений сердцем нездоров,
Болеет крепко без даров,
Его шпыняют и клянут.
А Загребуший – тут как тут,
Известен, весел, полон сил,
Непуган, вовсе не уныл,

Здоров и кажется большим –
Дарений карлик рядом с ним».
Хозяин мой, услышав вести,
Вскочил от радости на месте,
Возликовал – а я в дорогу
Стал собираться понемногу,
Куда я шёл – известно вам.
Чтоб не брести по бочагам,
Я тропкой боковой наверно
Пошёл до городка Таверна.
Уже я вижу цель пути –
Но прежде надо перейти
Реку, что многих утопила –
Обжорка ей название было.
Я пересёк её с трудом, –
Теперь поди забудь о том!
Дурней не помню перехода.
В Таверну я вошёл – у входа
Меня приветила умело
Её хозяйка Грабителла
И стала на ночь зазывать –
Что ж, я остался ночевать,
Но был игрою привлечён –
Верняк, Обсчита и Мухлён
Пристали там же на ночлег.
Ну что сказать? Иной вовек
Любезней не слышал речей.
Все трое славных ловкачей,
Мухлён, Обсчита и Верняк,
Давай допытываться, как
Ведут себя и как играют
Друзья, что в Шартре проживают,
Мансан и Шарль, и все ли ладно,
Их дружба всем троим отрадна,
Так есть ли весть из балагана,
Где обитают хитрованы?
Всё то, что про двоих я знал,
Не канителясь рассказал:
«Они вас любят, не скрывая,
Причина для того простая:
Доход свой делают на вас,
И вы должны в урочный час
Им унаследовать без спора», –
На этом месте разговора
Признали мудрой речь мою:
Людей немного в том краю,
Кто знает их со всех сторон,
Зато Обсчита и Мухлён
Мансана с Шарлем любят крепко,
И их наука въелась цепко.
В Париже им любой кабатчик
Немало сделает потачек,

И поклянусь Святым Петром –
Своим обязаны добром
Мухлёну, Верняку, Обсчите
(Другой причины не ищите),
Готье Морель, известный лгун,
Ещё arrasец Жан-горбун,
Эрмер, король жулья Гиар,
С болванов свой берут навар,
И обсчитаешь тут едва ли
Все, что они намухлевали!
На тех моих словах опять
Давай Верняк меня пытаться,
Как там живёт Мишель из Трея,
Потом он, красок не жалея,
Мне расписал, как Лютый с шайкой
Сумели сделать попрошайкой
Жирара из Труа, – и точно,
Жирар завяз, я знаю, прочно
И целиком у них в руках,
Давно остался на бобах,
И всюду с ними он, угрюмый,
Охвачен вечно мрачной думой;
Трепать его и потешаться –
Обычай давний развлекаться.
Средь всех, до новостей охочих,
Верняк-то знал получше прочих
Учеников своих повадки –
Давай смеяться без оглядки,
За ним другие, надрываясь –
Такого хохота, ручаюсь,
Не доводилось слышать вам.
Под этот смех явилась к нам
Хмелина, матушка Буяна –
Сын за неё держался пьяно.
Детина рослый и здоровый,
А нравом – дерзкий и суровый,
И хвалится пред всем народом,
Что, мол, из Англии он родом.
На Малыша Готье похож –
Другого, право, не найдёшь,
Чтоб был во всем ему подобен,
Огромен так же, так же злобен,
Вдвоём смотрелись бы прекрасно,
И там уж пыжиться напрасно –
По силе их не превзойти,
Парней мощнее не найти,
Буян широк, рукаст, ногаст –
И силачу урок задаст.
Я понял, на себе проверяя:
Едва Буян вломился в двери,

Он ни мгновенья не терял –
Так сильно вдруг меня прижал,
Что вижу – явно будет драка,
Не увернуться тут, однако,
Лишь защищаться успевай –
Как если б я в бретонский край,
В Гвинлан заехал ненароком,
Где всех приветствуют насकोком.
И тут же мне твердит хозяйка –
Мол, пофехтуй-ка с ним, давай-ка!
Хмелина, как дождавшись часа,
Достала вмиг два талеваса,
Как раз к такому состязанью,
У прочих вызвав ликованье.
Вот каждый, гневом распалён,
Оружьем нужным наделён –
Оксерской выделки дубина
И у Хмелининого сына,
И я такую же схватил.
Мой пробный выпад он отбил,
Я бью сплеча – не тут-то было,
Дубье защиту не пробило,
Он в контратаку – я назад,
Он тут же сделал перехват,
Такой удар нанёс – клянусь,
Я понял, что не увернусь,
Он так сумел меня достать –
Не получилось устоять,
Я влево сильно наклонился,
И набок чуть не повалился,
Уже не удержав удара.
Но битва не теряла жара –
И бой продолжить он готов,
В атаку вновь, без лишних слов,
Меня теснит, ему в ответ
Я бью тычком, но пользы нет –
Он приложить меня сумел
Так, что я мигом ошалел –
По голове удар пришёлся,
И как в угаре я зашёлся.
Тут завершилась потасовка:
Буян меня за руку ловко
Схватил, крутнул через бедро
Английским хватом, и шустро
Об землю ухитрился грохнуть –
Там не успел никто и охнуть.
И все стоявшие вокруг
Меня ничком узрели вдруг,
Я был распластан, без движенья,
И сам не свой от униженья.
Хмелина стала мне подмогой –
Приподняла меня немного,

Чтоб голову пристроить мог
Ей на колени; а сынок
Такую речь сказал: «Друг мой,
Дралися многие со мной,
Здесь нету никакого чуда –
Я всех их побеждал покуда.
Гильома из Салерно даже,
Хоть он силён в кабацком раже,
Клянусь, я всем другим на смех
Перевернул ногами вверх».
И поимённо перебрав
Ещё немало – вы, узнав,
Над ними долго б хохотали, –
Он все хвалился, но едва ли
Я буду всех перечислять,
Приличья тоже надо знать.
Ушёл он, я валялся шало,
Хмелина же не оставляла
Меня заботою всю ночь,
Жалея и стремясь помочь.
Я подчинился ей охотно,
Ведь было мне весьма тошнотно,
И все и ныло, и болело.
Доверившись Хмелине смело,
Я с ней покинул общий зал
И по двору проковылял, –
Она с участием, как родня,
По-вдоль Блудилища меня
Влекла, и, несмотря что мгла,
В Бордельный замок привела.
Ох, сколько было там народа!
Стыдоба, дочка Греховода,
Меня встречала у ворот,
Но тут же принял в оборот
Скрадун – Темнот ему родитель,
И в замке он привычный житель.
И слова я не произнёс –
Устроил мне Скрадун допрос,
Пытая, как его людишки
У нас ведут свои делишки.
Я отвечал без лишней дрожи,
Что ввёл король закон построже,
Прижал мошенников настолько,
Что воли нет ворами нисколько.
Так рассказав про все правдиво,
Я стал расспрашивать учтиво
Дорогу к Адской цитадели –
Скрадун с Хмелиной подоспели,
С большой охотою любезной
Мне дали вмиг совет полезный:

«Пути осталась половина –
Пойдёшь сначала вдоль Злобины,
До Горлопырья, а потом
Не отклоняясь, прямиком
До Расправиля добредёшь,
Как шибеницу обогнёшь,
И дальше следуй – там изрядно,
Но всё в дороге будет ладно,
Нельзя лишь тропку покидать,
А там уже рукой подать,
И в самый Ад прибудешь скоро».

Тут я, закончив разговоры,
Простился вежливо на этом
И внял их дружеским советам,
Дабы продолжить путь скорее,
Все к той же цели тяготей.
Едва ль смогу упомянуть я
Все грады, сёла, перепутья,
Где странствие меня вело,
Но время всё-таки пришло –
Я до Отчаянья добрался,
Возликовав – пока скитался,
Подобной радости не знал:
Отчаянье – скопление скал,
Где Адская стоит твердыня.
Предсмертие посередине –
Не больше лье, а там тотчас
В Геенну попадёшь как раз:
Один короткий переход
До самых Адовых ворот.
Вошёл – и сразу стало лестно,
Так принимают здесь чудесно:
Все добродушны и милы,
Бегут, чтобы накрыть столы,
Как будто гостя долго ждали.
Меня привратники не гнали,
Вошёл свободно – нынче знаю,
Манера адская такая:
Как пир – так двери нараспашку,
Любого пустят побродяжку,
Для всех открыты двери Ада,
И гостю каждому тут рады,
И сразу примут без различий.
Давно забыт такой обычай
Во Франции: затворены
Все двери, если без мошны
Явился – точно не войдёшь,
А в Преисподню всякий вхож,
Пришёл – тебе и стол, и дом,
Я об обычае таком
Лишь с похвалою вспоминаю.
И вот я прямо в Ад вступаю,

Все веселы, и там и тут,
Навстречу радостно бегут.
А царь, владетель Преисподни,
Свой двор созвал как раз сегодня –
И роскошь ту не описать.
Съезжалась дьявольская знать –
Там были Адовы вассалы,
Вельмож значительных немало;
Когда, в количестве безмерном,
Они проехали Аверном,
И развернулась кавалькада,
Решил я было, что ограда
Святейшей Церкви снесена –
Толпа числом была страшна,
И каждый двигался верхом.
Царь Преисподни за столом
Вокруг себя их рассадил,
Всех тех, кого он пригласил.
Я поднимался торопливо
В чертог, украшенный на диво;
Кюре, епископы, аббаты
Меня там приняли как брата.
Пилат и Вельзевул вскричали:
«Рауль, тебя мы долго ждали!
Откуда держишь путь?» – «В Саксонской
Земле я был, потом в Бургонской,
В Ломбардии, ещё в Шампани
И в Англии бывал я ране».
«Ну что ж, ты вовремя явился,
Когда бы не поторопился –
Не дождались бы, право слово,
Ведь яства-то как раз готовы», –
Так Вельзевул ответил мне.
И ни в какой другой стране
Таких богатых угощений
Я не видал – и блюд отменней,
Чем подносили нам на пире,
Поди, нигде не встретишь в мире,
И я доволен был и рад.
Уже прислужники спешат
И расстилают торопливо –
Поверьте, говорю правдиво, –
Большие скатерти из кож
Менял, жалевших каждый грош.
Сам царь за скатертью сидит,
И каждый на него косит,
И вторит – слева или справа,
Как бы по одному уставу.
Сиденье дали мне чудное –
Два публикана вверх спиною,

И ткач был для меня столом.
Служитель подошёл с жезлом,
Скатёрку выдал мне особо –
Из кожи шлюхи высшей пробы,
Была она довольно длинной.
Я в двух шагах от властелина
Сидел – ведь дал он повеленье,
Чтоб я в ту ночь в его владеньи
Был принят славно и не худо.
Вот первое готово блюдо –
И положили перед нами
Большими щедрыми кусками
Бретёров битых в чесноке,
И уж никак не налегке
Мы после этих порций были.
А нам немедля подносили
Ростовщиков в своём соку –
Вас описаньем развлеку –
Запечь их повар чудно смог,
Чужой накопленный жирок
Везде висел в томленьи тяжком –
На рёбрах, вырезках, по ляжкам,
А жира в каждом – на два пальца,
И некуда добавить сальца,
Хотя б и Адом всем взялись.
Привычки эти завелись,
Скажу по правде, уж давненько:
Едят ростовщиков частенько
Во время трапез преисподних,
И свеженьких, не прошлогодних,
Хоть будь сезон иль не сезон –
В Аду к ним каждый приучён.
Но вот слуга нам в свой черёд
Спеша разбойников несёт
В чесночном крепком маринаде,
Багровых спереди и сзади –
В крови зарезанных купцов,
Кормивших этих удалцов.
Другое блюдо вслед за тем –
Оно пришлось по вкусу всем:
Лежалые до жижи спелой
Кусочки шлюхи перезрелой,
В свищах, как старая ослица –
Тут гости все давай дивиться,
И яство со стола сметать,
Чтоб после пальцы облизать,
А вонь от блюда – врать не буду,
Мне блазнится и нынче всюду.
Царь после этой перемены
Закуски приказал отменной,
И гости – ну кричать «Ура!» –
Катары, только что с костра,

Парижским соусом облиты,
И ересью своей набиты,
Да их, по общему решению,
Приправили огнём до жженья,
Потом, для большего приятья,
Ещё добавили проклятья.
Вот, значит, в соусе таком
Их принесли ещё с дымком
На вертелах на этот пир,
И царь, нетерпелив и щир¹,
Сам мясо раздавал гостям,
И все жевали тут и там,
Доволен был властитель Ада,
И всем досталось, сколько надо,
Летели яству похвалы,
И дружно чавкали столы,
И каждый за соседом вслед
Твердил – вкуснее пищи нет,
А может быть, и не бывало –
Потом еретиков немало
Нам подносили, но клянуса,
Что нету в них такого вкуса,
Той остроты и пряной силы,
Что в жареных катарах было –
Как будто таяли во рту
И расходились на лету.
Но точит местный люд сомненье,
Что вышло это угощенье –
И ждут с надеждою Гормона,
А с ним – его людей колонны,
Ведь клялся он, что будет тут,
А что с ним делать, здесь найдут:
Я слышал, что Гормон с толпою
Уже намечен на жаркое.
Вслед ложноверцам ароматным,
Восторгом встретили понятным
Мы фаршированных сутяг,
Судившихся и за пустяк,
Неправого суда искавших,
Во многих тяжбах понабравших
То отступных, то разных пеней,
То денег, или же имений,
Кто не чурался плоти груза,
Себе отращивая пузо.
В Аду их кушают в охотку,
Довольно отправляя в глотку,
Но также делают из них
Такие блюда, о каких

¹ Щирый (диал.) – искренний [http://v-dal.ru/word_s-132909.html]. – Прим. ред.

Вы не слышали, полагаю –
От адских кухарей я знаю
Секреты хитрые готовки:
Рвут до корней, со всей сноровки,
Сутягам языки из зева,
Затем, почти без подогрева,
Томят их в каверзных изветах,
Припустят в поправных обетах,
Добавят кляузное слово,
И блюдо уж почти готово,
Пока не тронута огнём,
Но чтобы smak явился в нём,
Решают дальше по натуре –
Чьи языки варить в фритюре,
Чьи жарить на подкожном сале,
Что дрязгуны понагуляли.
Потом огня чуть-чуть добавят
И суезлобием приправят,
Да сбрызнут клеветой изустной.
И чуда нет, что труд искусный
В Аду высоко оценён,
Хвалы летят со всех сторон,
Иной дрожит от вождельенья,
Когда своё произведенье
В злоречьи повар обвалает,
И взбитой ложью увенчает.
Понятно, первый кус – царю,
И, я вам верно говорю,
Царь языки так ценит эти,
Как больше ничего на свете.
Он славил блюдо – и хвалы
Вмиг облетели все столы.
Кто видел здешний обиход,
Охотно новость донесёт
До лжесвидетелей и ябед:
В Аду лелеют, не похабят
Людей сутяжных языки,
Они тут вовсе не горьки.
А дальше –хватило дух –
Из дряхлых смрадных потаскух
Уже готовы тарталетки.
Вот это славные заедки –
Аж каждый облизнулся жадно,
Почуяв их душок отрадный.
Взамен сыров – несут отменных
Младенцев свежеубиенных,
Поздоровей иных здоровых!
Подобных кушаний готовых
Не сыщешь никогда на рынке,
Вот сыр и гложем по старинке.
А после мы досыта ели –
Судейских, рубленных на кнели,

Ханжей, пряжёных в лицемерьи,
Монахов чёрных в малoverьи,
Поповских потаскух с лучком,
Бенедиктинок с чесночком
И содомитов под позором –
Да, мой рассказ не вышел скорым,
И то не всё назвал, что было:
Там до отвала всем хватило.
Взамен вина вливали в глотки
Бесчестье, подлость и мерзотки –
И, в общем-то, выходит скверно:
Пьют мало, а едят чрезмерно,
Такой уж заведён порядок.
До новостей ужасно падох,
Царь Преисподни вновь со мной
Заговорил, когда большой
Уже закончился приём.
Расспрашивал о том, о сём,
Как вышло, что попал я в Ад –
Я рассказал про всё подряд,
Подробно, честно и учтиво.
Царь, видя – речь моя правдива,
Мне оказал большую честь –
Он книгу приказал принести,
Умельца знатного творенье, –
И в книге той, без умаленья,
Расписаны грехи и буйства,
И преступленья, и безумства,
Все зло, какому можно быть,
За что, кого и как судить.
Раскрыть он книгу повелел,
И зачитал мне, что хотел.
Сказать ли, что услышал я?
На каждого глава своя,
И все безумцы-менестрели
Свою б судьбу там углядели,
Там все разъяснено подробно.
А царь: «Не правда ль, бесподобно
Им будет адское житьё –
Нескучно царствие моё,
И всем веселья – по делам».
А вслед за тем уже я сам
За мудрый взялся фолиант –
И подивился на талант
Того, кто написал сей труд:
Жонглёры жалкие найдут
Там рифмы золотой образчик,
А из меня дурной рассказчик.
И вот изложены стихами
Злодейства мерзкие с грехами.

Сказать и страшно, и печально:
Там про любого досконально
Проступки выписаны в ряд,
И упустили что навряд,
Я самолично видел строки –
И разузнал про все пороки,
И кто какую сделал гнусь –
Я все запомнил наизусть,
Да и попробуй-ка забудь!
Все расскажу когда-нибудь,
Подробно, несмотря на лица –
Поверьте, есть чему дивиться.
Что дальше было? Я намучал
Немало строк, пока наскучил
Царю сей перечень унылый.
Властитель вежливый и милый,
Он мне пожаловал, как гостю,
Монеток адовых две горсти –
Я закупил на них сукнишка.
Вот, времени прошло не лишку,
Как вдруг насельники Геенны
Вооружились все отменно,
И принялись коней седлать –
Великая, большая рать
В поход пошла на наши страны,
И тут уж я вам врать не стану –
Поднялся гомон, крик и вой,
Как воинство рванулось в бой.
И хоть рассказ про это тяжек,
Все так и было, без натяжек.
Обратно я засобирался,
Со мною каждый попрощался,
И пробудился я тотчас.
Настолько полон мой рассказ,
Что не добавишь тут ни слова,
Пока не будет сна другого.
Таков, без лжи и без обмана,
Был сон Рауля из Удана.

Здесь кончен «Сон о Преисподней»,
Спасибо милости Господней.
А после будет сон о Рае,
Куда попасть я уповаю.

Комментарии к тексту

Алчба – ориг. Convoitise.

Подлень – ориг. Desleauté.

И, помню, дело было в среду – Ф. Вальтер предлагает «календарное» чтение поэмы, выделяющее дополнительный аллегорический пласт: среда (*mercredi*) – день Меркурия, бога денег и обмана; следующий день, проведённый в таверне – четверг (*jeudi*), день веселья; в полночь рассказчик вступает в царство плотских удовольствий одновременно с наступлением пятницы (*vendredi*), дня Венеры, – и в тот же день, традиционно постный, попадает на пир к дьяволу [Walter 1987: 96-97]. Вместе с тем хронология путешествия представляется более неопределённой, поскольку автор говорит о смене сезонов («за зимой настало лето»).

Завидня – ориг. Envie.

Каналья – ориг. Tricherie. В этом эпизоде – как и далее, в случае с Заграбастом – аллегория раздваивается, и рассказчик повествует аллегорическому персонажу о похождениях его земного двойника-тёзки.

Ворина – ориг. Rapine.

Скупердея – ориг. Avarisce.

Щедроты – ориг. Larguesce. Здесь и далее, в рассказе о бедах Дарения, очевидна отсылка к типичным жалобам трубадуров и жонглёров на скупость заказчиков и меценатов, которые якобы были более щедры в неопределённом прошлом. Одна из таких стихотворных жалоб, «Речение Рауля», приписывается самому Раулю из Удана.

Каналья стала в Пуату... – вполне возможно, что речь идёт об Алиенор Аквитанской (1122?-1204), герцогине Аквитании из Пуатевинского дома, последовательно бывшей французской и английской королевой. В тексте можно увидеть намёки на благодушное отношение аквитанского двора к катарам, на передачу аквитанского домена от Франции к Англии, на строительство в Пуатье городских укреплений, окружавших утёс с замком, и на воздвижение одной из первых в Европе городских башен (беффруа) – символов муниципальной независимости. Именно Алиенор Аквитанская подтвердила городские вольности Пуатье (в середине XII в. город самовольно провозгласил было коммуну, но был взят королём Франции Людовиком VII). Вместе с тем – и на этом настаивает большинство комментаторов – ссылки на подлость, продажность и вероломство пуатевинцев являются общим местом, часто встречаясь в старофранцузских текстах начиная с XI в.; ср. [Dubois 1959: 44-45].

замок Подлого Обмана – ориг. chastel de Trahison.

Добрался вмиг до Вероломья – ориг. Foi Mentie.

Заграбаст – ориг. Tolir.

Дарений – ориг. Doner.

Пошёл до городка Таверна – ориг. Vile Taverne.

Обжорка – ориг. Gloutonie.

Грабителла – ориг. Roberie.

Мухлён, Обсчита и Верняк – ориг. Hasart et Mesconte et Mestret.

Друзья, что в Шартре проживают – Шартр пользовался репутацией города мошенников, занимавшихся игрой в кости. М. Тиммель Мим видит здесь также намёк на деятельность Амальрика Шартрского, последователи которого, как и многие еретики, обвинялись в бесчинстве, лжи и шулерстве [Timmel Mihm 1984: 99].

Мансан и Шарль... – ни здесь, ни далее о конкретных лицах, упоминаемых автором, ничего не известно. Комментарии французских и немецких исследователей сводятся к перечислению всех исторических или литературных персонажей, чьи имена более или менее совпадают с упомянутыми и могут соответствовать времени написания поэмы, без каких бы то ни было дополнительных аргументов.

Хмелина – ориг. Yvrece.

Буян – ориг. Versez. Комментаторы подчёркивают игру значений слова *verser* («наливать», «опрокидывать», «ронять, бросать»).

Что, мол, из Англии он родом – англичане в средневековой Франции пользовались репутацией пьяниц и забияк; это литературное клише вошло в поговорку.

В Гвинлан заехал ненароком – в Бретани существовала традиция вызывать всех приезжих на кулачный или палочный бой (занимались этим и дворяне, что ещё несколько столетий давало повод для шуток по поводу манер бретонского дворянства).

Достала вмиг два талеваса – талекас – маленький пехотный щит, видимо, аналог английского баклера.

Оксерской выделки дубина – в источниках не сохранилось данных о каких-то особых дубинах, производившихся в Оксерре. Между тем оксерское вино – очень популярный продукт и не менее популярное клише средневековой французской литературы. Комментаторы почти единодушно приходят к мнению, что и «оксерская дубина», и вся сцена драки – аллегория выпивки и стадий опьянения.

Блудилище – ориг. Fornication.

Бордельный замок – ориг. Chastiau-Bordel.

Стыдоба – ориг. Honte.

Греховод – ориг. Pechié.

Скрадун – ориг. Larrecin.

Темнот – ориг. Mienuit.

Злобина – ориг. Cruauté.

Горлопырьё – ориг. Core-Gorge.

Расправиль – ориг. Murtre Vile.

Отчаянье – ориг. Désespérance.

Предсмертие – ориг. Mort-Soubite.

Они проехали Аверном – Аверн – пещера в Италии, которую в античности считали входом в царство мёртвых. Этот топоним, однако, представлен лишь в одной, наиболее полной рукописи. Опираясь на варианты рукописной традиции, М. Тиммель Мим настаивает на чтении «Вернон» (Vernon) – город в Нормандии, известный своей ярмаркой и подписанием в 1205 г. договора между графом Булонским и герцогом Лотарингским. В этом случае последующие строки, неясные для большинства комментаторов, относятся не к аллегорическому падению Церкви, а к историческому событию – обрушению в начале XIII в. собора Богоматери в Верноне [Timmel Mihm 1984: 117]. Впрочем, факт такого обрушения предположителен, а его дата неизвестна.

Два публикана вверх спиной, / И ткач был для меня столом – публиканы, ткачи – религиозные движения катарского толка, существовавшие в северной Франции.

Бретёров битых в чесноке – в оригинале *champions*, наёмные бойцы для судебных поединков. Как отмечает М. Тиммель Мим, наёмному бойцу, потерпевшему поражение, могли отсечь руку или голову [Timmel Mihm 1984: 122].

Катары, только что с костра – в оригинале использован термин *bougres*, означавший в ту пору всех сторонников «болгарской ереси», т. е., манихействующих еретиков вообще, но особенно тех, кто ассоциировался с катаризмом. Один из авторов начала XIII века прямо писал о «ереси болгар... более всего полонившей земли графа Тулузского и соседних с ним владетелей», именуя впоследствии этих еретиков просто альбигойцами [Zerner 1989: 319]; один из кардиналов начала XIII в. полагал, что у катаров есть свой папа, управляющий ими из Болгарии [Timmel Mihm 1984: 126]. Сам термин – ругательный и подразумевающий обвинение в содомии. Если рассматривать эту и следующие строки («парижский соус») как отражение реальных событий, известно лишь одно сожжение еретиков в Париже до предполагаемой даты написания поэмы: казнь амальрикан в ноябре 1210 г. [Timmel Mihm 1984: 127]. Несмотря на скорее пантеистическую направленность учения Амальрика Шартрского, его последователям приписывали, как и представителям катаризма, блудливость, распущенность и попрание церковных ритуалов. С другой стороны, Ж. Бурдьё отмечает, что все термины, традиционно трактуемые комментаторами как обозначения разных групп еретиков, вполне могут быть бытовыми обозначениями людей, не соблюдающих церковные нормы и принципы христианской жизни, безотносительно конкретных вероучений [Bourdier 2015]. Здесь, однако – как и в большинстве других спорных случаев – в переводе выбрана трактовка, получившая поддержку большинства исследователей.

И ждут с надеждою Гормона, / А с ним – его людей колонны – французские комментаторы затрудняются с идентификацией этого персонажа. Возможно, имеется в виду кто-то из связанных с катаризмом сеньоров де Грамон, например, Вивиан II или Реймон II.

Монахов чёрных в маловеры – «чёрные монахи», бенедиктинцы (по цвету рясы).

Здесь кончен «Сон о Преисподней» – по мнению комментаторов, последние четыре строки вставлены переписчиком и не принадлежат Раулю. В большинстве рукописей вслед за «Сном о Преисподней» размещено какое-нибудь из многочисленных средневековых произведений, посвящённых видению Рая, и подобный риторический переход мог быть вполне оправдан.

Литература

Михайлов 1976 – Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. – М.: Наука, 1976.

Bourdier 2015 – Bourdier, Juliette. 'Le jeu et le mot : sémiotique des passages chez Raoul de Houdenc', en *Atelier de Traduction*. Editura Universităţii din Suceava, 2015. No. 23. Pp. 177-190. [https://juliettebourdier.files.wordpress.com/2015/08/atelier-de-traduction-nr_-23-2015-bourdier-sc3a9miotique.pdf] – Доступ на 11.08.2017.

Dubois 1959 – Dubois, Michel. 'Poitou et Poitevins (de Benoit à Villon)', en *Romania*, 1959. T. 80. No. 318. Pp. 243-253. [http://www.persee.fr/doc/roma_0035-8029_1959_num_80_318_3173] – Доступ на 11.08.2017.

Frappier 1953 – Frappier, Jean. 'Châtiments infernaux et peur du Diable', en *Cahiers de l'Association internationale des études francaises*. 1953. No. 3-5. Pp. 87-96. [http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1953_num_3_1_2020] – Доступ на 11.08.2017.

Lebesgue 1908 – Raoul de Houdenc. *Le Songe d'Enfer, suivi de La Voie de Paradis : poèmes du XIIIe siècle précédés d'une notice historique et critique par Philéas Lebesgue*. Paris : éd. Sansot et Cie, 1908.

Micha 1944 – Micha, Alexandre. 'Raoul de Houdenc est-il l'auteur du Songe du Paradis et de la Vengeance Raguidel ?', en *Romania*. 1944. T. 68. No. 271. Pp. 316-360. [http://www.persee.fr/doc/roma_0035-8029_1944_num_68_271_3574] – Доступ на 11.08.2017.

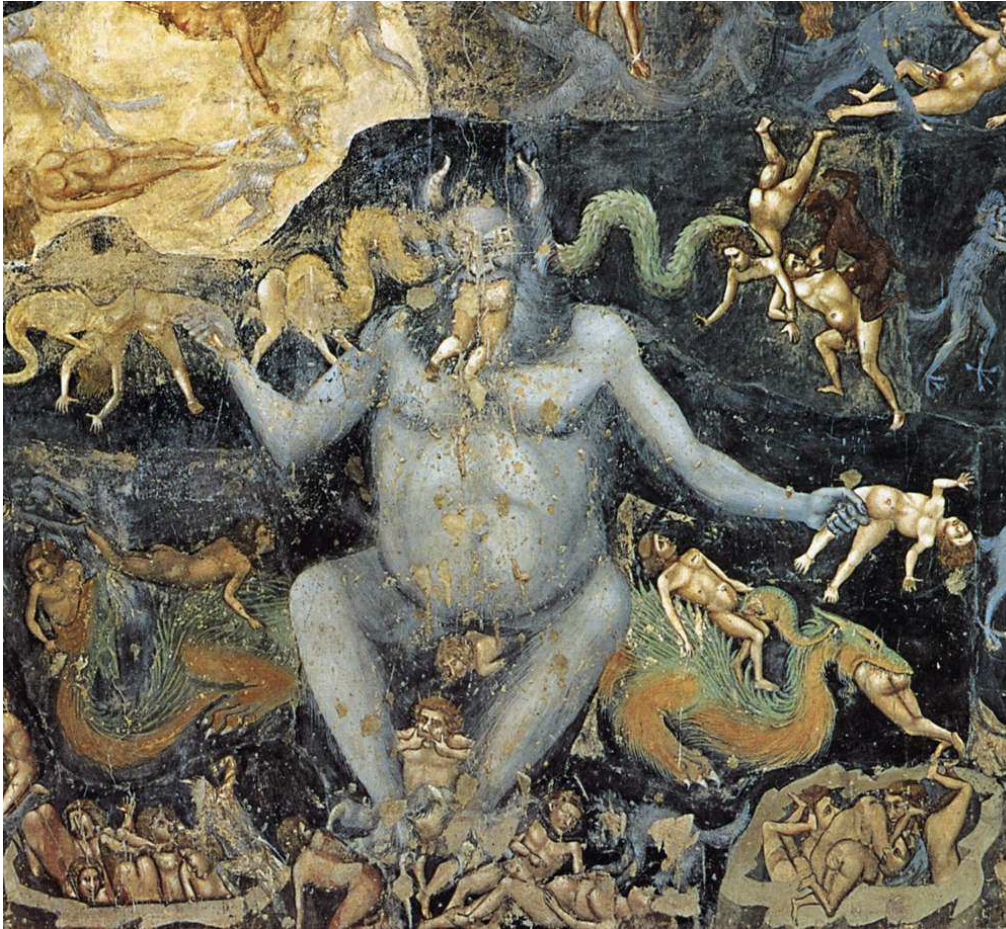
Scheler 1879 – Scheler, Auguste (éd). *Trouvères belges (nouvelle série): chansons d'amour, jeuxpartis, pastourelles, satires, dits et fabliaux par Gonthier de Soignies, Jacques de Cisoing, Carasaus, Jehan Fremaus, Laurent Wagon, Raoul de Houdenc, etc.* Louvain, imprimerie de P. et J. Lefever, 1879.

Simonelli 1975 – Simonelli, Maria Picchio. 'Vernacular Poetic Sources for Dante's Use of Allegory', in *Dante Studies, with the Annual Report of the Dante Society*. 1975. No. 93. Pp. 131-142.

Timmel Mihm 1984 – Timmel Mihm, Madelyn. *The « Songe d'Enfer » of Raoul de Houdenc: An Edition Based on all the Extant Manuscripts*. Tübingen, Niemeyer, 1984 (Beihefte z. Zeitschr. f. roman. Philol., 190).

Walter 1987 – Walter, Philippe. Madelyn Timmel Mihm. – 'The « Songe d'Enfer » of Raoul de Houdenc: An Edition Based on All the Extant Manuscripts, 1984', en *Cahiers de civilisation médiévale*. Janvier-mars 1987. 30e année (No. 117). Pp. 96-97. [http://www.persee.fr/doc/ccmed_0007-9731_1987_num_30_117_2356_t1_0096_0000_2] – Доступ на 11.08.2017.

Zerner 1989 – Zerner, Monique. 'Du court moment où on appela les hérétiques des «bougres». Et quelques déductions', en *Cahiers de civilisation médiévale*. Octobre-décembre 1989. 32e année (No. 128). Pp. 305-324. [http://www.persee.fr/doc/ccmed_0007-9731_1989_num_32_128_2447] – Доступ на 11.08.2017.

Ил. 1. Сатана, пожирающий грешников. Деталь фрески Джотто «Страшный суд» в часовне Скровеньи, ок. 1305.

Источник: <https://commons.wikimedia.org>

Текст оригинала

*Raoul de Houdenc
Songe d'Enfer*

En songes doit fables avoir ;
Se songes puet devenir voir,
Dont sai je bien que il m'avint :
Qu'en sonjant un songe me vint
Talent que pèlerins seroie.
Je m'atornai et pris ma voie
Tout droit vers la cité d'Enfer.
Errai tant quaresme et jver

Que à droite eure i fui venuz,
Mes de ceus que g'i ai connuz
Ne vous ferai ci nul aconté
Devant que j'aie rendu conté
De ce qu'il m'avint en la voie.
Plesant chemin et bêle voie
Truevent cil qui Enfer vont querre.
Quant je me parti de ma terre,
Por ce que li contes n'anuit,
Je m'en ving la première nuit
A Covoitise la cité :
En terre de Desleauté
Est la citez que je vous di.
Ge i ving par un mercredi,
Si me herbregai chiès Envie ;
Plesant ostel et bêle vie
Eiimes, et sachiez sans guile,
Que c'est la dame de la vile.
Envie bien me herbreja ;
En l'ostel avoec nous menja
Tricherie, la suer Rapine,
Et Avarisce, sa cousine,
Vint avoec li, si com moi samble.
Por moi veoir toutes ensamble
Y vindrent et grant joie firent
De ce qu'en lor païs me virent.
Tantost, sanz plus contremander.
Vint Avarisce demander
Que je noveles li deisse
Des avers, et li apreïsse
Lor fez et lor contenemenz ;
Si com chascuns de ses parenz
Se demaine m'a demandé ;
Et je ly ai tantost conté
Un conte qu'ele tint à buen,
Quar je li contai que li suen
Avoient du pais chacie
Larguece, et tant s'est porchaeie
Sa gent que Larguece n'avoit
Tor ne recet ne ne savoit
Quel part ele peiist durer ;
Ne le pot mes plus endurer
Larguece, ainz est en si mal point
Que chiés les riches n'en a point;
Ce li contai, grant joie en ot,
Et Tricherie à un seul mot
Me redemanda esraument
Que je li deisse comment
Li tricheor se maintenoient,
Icil qui à li se tenoient,
Se le voir li savoie espondre.
Et je, qui tost li voil respondre,

Li dis de son voloir un pou :
Que Tricherie est en Poitou
Justice, dame et viscontessé,
Et a^por prendre sa promesse,
En Poitou, si com nous dison.
Ferme chastel de Trahison,
Trop haut, le plus divers du monde,
Dont Poitou siet à la roonde
Toz enclos et çains par grant force.
Tricherie, qui s'en efforce,
L'a si garni de fausseté,
Qu'en aus n'a foi ne leauté.
Ce respondi je Tricherie,
Mes qui que tiegue à vilonie,
Je dis tout voir, n'en doutez rien,
Quar des Poitevins sai je bien.
Cens qui connoissent leur couvine,
Que de leur roiaume est roïne
Tricherie, si com moi samble,
Qu'entre els et li trestout ensamble
Sont de conseil à parlement.
Adont s'en rist mult durement
Tricherie et grant joie en fîst.
Et puis tout en riant me dist :
« J'ai' toz les Poitevins norris :
« Se il s'acordent à mes dis,
« Biaux amis, n'est mie merveille. »
A tant départi nostre veille,
Chascuns à son ostel ala,
Et je, qui toz seus remez là
Avoec m'ostesse jusqu'au jor
Et l'endemain sanz nul sejour,
Levai matin et pris congié,
Et me mis au chemin, com gié
Avoie fet le jor devant.
Hors de la cité là avant
Tornai à senestre partie,
Tant que je ving à Foi Mentie,
La corte, la mal compassée,
Qui en poi d'eure est trespasée ;
N'i a c'un petitet de voie.
De ce que dire vous dévoie
El premier chief, non pas en coste,
Trouvai Tolir, un divers oste,
Qui de mentir ot le maistire :
De Foi-Mentie est mestre et sire.
Cortois estoit et debonere ;
Durement me plot son afere,
lui me retint au disner.
Après, sans longues demorer,

Vint mes ostes à moi enquerre
Comment Tolirs en ceste terre.
Uns siens filleus, se maintenoit,
Et comment il se contenoit
Contre Doner ; itant m'enquist.
Et de ce que il me requist
Respondi voir, quar je li dis
Que Doners ert las et mendis,
Povres et nus et en destrece ;
Qui soloit avoir l'ainsneece,
Or est mainsnez, or est du mains :
Doners n'ose moustrer ses mains,
Doners languist, ce est la somme.
James Doners chiés nul haut homme
Ne fera deus biaux cops ensamble.
A hautes cors de Doner samble
Que il n'ait mie le cuer sain,
Qu'en son sain tient adès sa main,
Lais, chetis, haïs et blasmez.
Tolirs est biaux et renommez ;
N'est pas chetis ne recreiis,
Ainz est et granz et parcreiis ;
De cuer, de cors, de bras, de mains
Est granz assez, Doners est nains.
Quant mes ostes ceste novele
Oï, mult par le tint à bêle
Et mult li plot. Dont m'en parti,
D'aler mon chemin m'aati
Où je vous dis qu'aler dévoie.
Por eschiver la maie voie,
M'en issi par une posterne ;
Droitement à Vile Taverne
M'en commençai à ampasser ;
Mes ainçois me convint passer
Un fleuve où mains vilains se nie,
Que l'en apele Gloutonie.
Iluec ving ; outre m'en passai ;
Mes tant est vieus, de voir le sai,
Qu'aine mes si vil passé n'avoie.
Si qu'en Vile Taverne entroie,
Trovai de mult piesant manière
Roberie la taverniere.
Qui me herbrega volentiers :
La nuit fu mes osteus entiers.
De jouer oi mult bel atret :
Hasart et Mesconte et Mestret
Furent la nuit à mon ostel.
Qu'en diroie ? Je l'oi itel
C'on ne le pot plus piesant fere.
Mult m'enquistrent de mon afere
Li compaignon qui leenz erent ;
Tuit ensamble me demandèrent

Mestrais, Mescontes et Hasars,
Que lor deïsse isnel le pas
Noveles qu'à Chartres fesoient
Dui lor ami qu'il mult amoient,
Charles et Mainsens, de la loge
Où Papelardie se loge.
De ces deus m'enquistrent les fez,
Et je respondi sanz meffez :
« Il vous aiment mult durement,
« Si vous dirai rezon comment :
« Sovent lor fêtes gaaignier ,
Si vous vuelent acompaignier
« A eus tout par droit héritage. »
Et il me tindrent mult à sage,
Por ce que le voir lor en dis,
Qu'en cest mont n'a paS de gent dis.
Qui d'els la vérité retret,
Mieus aiment Mesconte et Mestret
Que fet cil Charles et Mainsens :
Il les atraient en toz sens.
Et li tavernier de Paris,
Cil ne les servent mie enuis,
Ainz vous di, foi que doi saint Piere,
Que il aiment de grant manière
Mestrait et Mesconte et Hasart,
Qu'à lor gaaing ont sovent part.
Gantiers Moriaus, n'en dout de riens,
Jehan, bossus et artisiens,
Hermers, Guiars li fardoilliez,
Qui mains bricons ont despoilliez,
N'auroie ouan tout aconté
Ce c'ont mestret et mesconte.
Ce dis ; lors vi venir Hasart,
Qui me demanda d'autre part
Noveles de Michiel de Treilles.
Après me raconta merveilles
De dant Sauvage et de sa gent,
Comme il fesoient sanz argent
Estre sovent Girart de Troies.
Et je lor dis que toutes voies
Estoit Girars en lor merci ;
Il ne se muet oncques deci,
Mes adès avoec aus sejourne ;
Sovent li voi penssiu et morne ;
Chascuns i prent, chascuns le plume
C'est lor beance et lor coustume.
Ce lor dis je tant seulement,
Et Hasars, qui bien sot comment
Si desciple le sèvent fere,
Fu liez et esbaudi l'afere,

Et tuit et tuites firent joie,
Ne cuit que jamès si grant voie,
Quar oncques mes tele n'avint.
Avoec celc grant joie vint
Yvrece, la mère Versez,
Et ses filz o li lés à lez.
Versez est granz et parcreuz,
Et mult est amez et creiiz
En son païs et en sa terre.
Et dist qu'il est nez d'Engleterre,
Cousin se fet Gautier l'Enfant :
En nule terre n'a enfant,
Je croi, qui si bien le resamble ;
Il pueent bien aler ensamble :
Andui sont si grant et si fort
Que nus n'auroit vers aus effort,
Ne nus vers aus ne s'apareille.
Versez est si fors à merveille
Et si membruz et si divers
Qu'il gete les plus granz envers.
Par moi le sai, oiez comment :
Il avint trestout esraument
Que Versez vint leenz à cort,
Tout pie estant me tint si cort
Qu'il me covint à lui jouer ;
Onques ne m'en poi eschiver,
Quar deffendre ne m'en seusse,
Mes tout aussi com se je fusse
A Guinelant et à Vuitier,
M'estut escremir et laitier
A lui par le conseil mon oste.
Yvrece, qui son mantel oste,
Par grant joie et par grant solas
Nous aporta deus talevas,
Comme à tel guerre couvenoit ;
Et chascuns en sa main tenoit
Par grant ire et par grant effort,
Baston de cler aucoirre fort
Si vous di que chascuns avoit
D'armes quanqu'il li covenoit.
Je li vois et il me revient.
Et je le sache et il me tient,
Et je sus hauce et il retrait.
Je li retrai d'un autre trait,
Et il esrant à trait me vient,
Et si très durement me tient
Que je ne li puis eschaper.
Si durement me seut taper
Et si fort, nel mescreez mie,
Qu'aus colées de l'escremie
Me fist si chanceler à destre
Qu'à poi ne cheï à senestre.

Et lues que remest celé chaude,
Por tenir la bataille chaude,
Versez relieve, si m'assaut.
Je li resail, il me resaut,
Et je tresgete et il sormonte,
Si me fiert que el chief me monte,
Où l'estordie m'ert montée.
Ce fu li cops de sormontée,
Quar il me monte en la teste,
Et cil qui trestoz les enteste,
Me prent aus braz et si me torne,
Et en cel tor si mal m'atome,
Que il m'abat encontre terre
A un des jambes d'Engleterre,
Si que nel porent esgarder
Cil qui le champ durent garder.
A toz fui moustrez esraument,
Et iluec sus le pavement
F'usse remez à grant meschief,
Mes Yvrece me tint le chief
Par compaignie en son devant.
A chief de pose vint avant
Versez et dist isnel le pas :
« Compains, ne vous merveilliez pas ;
« Maint se sont à moi combatu
« Qui au luitier sont abatu
« Et au combatre en la taverne ;
« Neïs Guillaume de Salerne,
« C'on tient à preu et à hardi,
« Ai abatu, bien le vous di,
« Jambes levées à un tor. »
De plusors autres ci entor
Se vanta qu'abatuz avoit,
De teus que, se on le savoit,
Dont mult se riroient la gent ;
Mes ne seroit ne bel ne gent
Que toz recordaisse ses dis.
Je remez, qui fui estordis.
Il s'en ala ; mes aine Yvrece,
Por angoisse ne por destrece,
Ne me volt celé nuit lessier,
Ne je ne li voil relessier
D'obeir à sa volenté.
Quant j'oi leenz grant pièce esté,
Com cil qui bleciez me sentoie,
Yvrece, en qui conseil j'estoie,
Me prist et si me convoia
Hors du chastel ; bien m'avoia
Et toute i mist s'entencion.
Par devant Fornication

Me mena droit en un chastel
Qu'on appelé Chastiau-Bordel,
Où maint autre sont herbregié.
Honte, la fille à Pechié,
Me vint veoir à grant déduit
Larrecins, li fillz Mienuit,
Qui reperoit en la meson.
Celé nuit me mist à reson
Larrecins, et menquist comment
Li desciple de son couvent
Le fesoient en cest païs.
Tantost li respondi et dis,
Sanz atargier et sanz faintise,
Que li rois en fet tel justice
Et qu'il les maine si à point
Que larron sont en mauves point.
Ce li dis, et bien le savoie ;
Et lors li demandai la voie
A Enfer, la grant forterece.
Entre Larrecin et Yvrece
Mult volentiers m'ont convoie.
A lor pooir m'ont avoié
Et dient : « Plus n'i atondras ,
« Par devant Cruauté tendras
« Droit à Cope-Gorge ta voie,
« Et d'ilueques si te ravoie
« Avant, et saches sanz abet,
« S'a Murtre Vile le gibet.
« Pues venir, bien auras erré.
« James le grant chemin ferré
« Jusqu'en Enfer ne lesseras ;
« Mes si droit avant t'en iras
« Que lues venras en Enfer droit. »
Mult me conseillèrent à droit
Yvrece et Larrecins ensamble :
A tant li parlemens dessamble.
Je m'en alai, ma voie pris :
Au chemin qu'il m'orent appris
Me ting et alai toutes voies.
Les liues, les viles, les voies
Ne vous auroie hui acontées ;
Mes tant trespasai de contrées
Que je ving à Désespérance,
Où la greignor joie de France
Oï, ne cuit mes si grant oie,
Quar Désespérance est monjoie
D'Enfer ; por ce est à droit dite
Que d'iluec jusqu'à Mort-Soubite
N'a c'une liue de travers.
Jouste Mort-Soubite est Enfers :
N'i a c'un souffle à trespasser.
De celé monjoie passer

Penssai et tant qu'en Enfer ving.
De tant à bien venu me ting
Que, quant g'i ving, que il metoient
Les tables ; mult s'entremetoient
Del mengier leenz atorer.
Onques portiers por retourner
Ne me prist, et itant vous di
C'une coustume en Enfer vi
Que je ne ting mie à poverte,
Qu'il menjuent à porte ouverte.
Quiconques veut en Enfer vait :
Nus en nul tenz leenz ne trait
Que ja porte li soit fermée.
Iceste coustume est faussée
En France, chascuns clôt sa porte :
Nus n'entre leenz s'il n'apporte,
Ce veons nous tout en apert ;
Mes en Enfer à huis ouvert
Menjuent cil qui leenz sont ;
De la coustume que il ont
Me lo. En Enfer ving tout droit.
Onques mes si gnant joie à droit
Ne fu fête comme il me firent,
Quar de si loing que il me virent,
Chascuns por moi veoir acort.
Cel jor tint li rois d'Enfer cort,
Plus grant que je ne vous sai dire.
Cel jor furent à grant concire
Tuit cil qui del roi d'Enfer tindrent ;
Li mestre principal i vindrent,
Cil qui sont de plus grant renon.
Quant il passèrent Avernon,
Bien parut à lor chevauchie,
Quar dusqu'au chief de la chaucie
Péri toute leglise aval ;
Mes s'il estoient à cheval,
Ce ne fet pas à demander.
Li rois, qui les ot fet mander,
Les fist entor lui asseïr,
Por ce qu'il les voloit veïr.
Je m'en montai isnelement
Sus el palais fet à ciment.
Adonc fui je bien saluez
De clers, d'evesques et d'abez.
Pylates dist et Belzebus ;
« Raoul, bien soies tu venuz !
« D'où viens tu ? » – « Je vieng de Saissoigne
« Et de Champaingne et de Borgoingne,
« De Lombardie et d'Engleterre :
« Bien ai cerchie toute terre. »

– « Tu es bien à eure venuz ;
« Mes ja n'i fusses atenduz
« S'un petit fusses atargiez,
« Quar apresez est li mengiers. »
Ainsi dist à moi Belzebus ;
Mes ains mengiers ne fu veiis
Si riches que leenz estoit
Appareilliez, c'on ne pooit
Teus viandes trover el monde.
Tant comme il dure à la roonde ;
Je en fui mult joianz et liez.
Et tout esrant li panetiers,
Sanz demorance et sanz atente,
Ne cuidiez pas que je vous mente.
Napes, qui sont faites de piaus
De ces useriers desloiaus,
A estendues sus les dois.
A tant s'assist li mestres rois
Et li autre. commiinaument,
Com se il fussent d'un couvent.
Mon siège fu, aine n'i ot autre,
Dui popelicaii l'un soi l'autre.
Ma table fu d'un toisserant,
Et li seneschaus tout avant
Me mist une nape en la main
Bel cuir d'une vieille putain,
Et je l'estendi devant moi.
A une toise sis del roi,
Un petit près, non pas en coste :
Celé nuit oi je mult bon oste,
Et en mult grant chierté me tint.
Au premier mes, ainsi avint,
Nous aporta l'en devant nous
Un mes qui fu granz et estous :
Champions vaincuz à l'aillie ;
Chascuns grant pièce mal taillie
En ot ; bien en furent peii.
Après champions ont eu
Useriers cras à desmesure,
Qui bien avoient lor droiture :
Cuit estoient et s'erent tel
Qu'il estoient d'autrui chatel
Lardé si cras desus la coste,
Devant et derrière et encoste
Ot chascuns deus doie de lart.
Ja n'ert si cras c'on ne le lart
En Enfer tout communaument ;
Mes cil d'Enfer enz el couvent,
Itant vous di bien sanz faintié,
Qu'il nel tienent mie à daintié
Tel mes, selonc ce que je vi,
Quar il sont d'useriers servi

Toz tens et esté et yver :
C'est li generaus mes d'Enfer.
Uns autres mes fu aportez :
De larons murtriers à plentez,
Qui furent destempré as aus ;
Si estoit chascuns toz vermaus
De sanc de marcheanz mordris,
Dont il avoient l'avoir pris.
Après orent un autre mes
Qu'il tindrent à bon et à frès :
Vielles putains aplaqueresses,
Qui ont teus crevaces qu'asnesses,
Mengies à verde saveur.
Mult s'en loèrent li pluseur,
Si que lor dois en delechoient
Por les putains qui lor puoient,
Dont il amoient mult le flair ;
Encor en sent je puïr l'air.
Devant le roi après cel mes,
Aporta l'on un entremès
Qui durement fu dépariez,
C'on apele bougres ullez,
A la grand sausse parisée,
Qui de lor fez fu devisée.
Comment on lor fist, ce me samble,
Par jugement à toz ensamble
Sausse de feu finalement
Destemprée de dampnement.
En tel sausse que j'ai nommée,
Toz chaus à toute la fumée.
Furent à la table d'Enfer
Aportez en broches de fer
Devant le roi, à cui mult plot,
Qui entor lui ot grant complot
Des siens et fu liez durement.
Et présenta mult largement
Des mes, et tant en donna il,
Et çà et là, que cil et cil
S'en loèrent sanz nule fable.
Tant qu'il disoient sus la table
Conques teus mes ne fu veiis.
Autres bougres ont il eiis ;
Môs si plesanz veiis n'avoient,
Que por l'ulles qu'il savoient
Disoient que c'erent espisses,
Si en fesoient granz délices
Partout, que ce sembloit poison :
Tuit en avoient à foison.
Mes il estoient en doutance
Que il n'eussent mes pitance

Desi là que Gormons d'Argent
Venist o toute sa grant gent
En Enfer où l'en le semont.
Et après me dist de Gormont
Uns d'aus, qui tere ne se pot,
C'on en feroit un hochebot
Après les bougres qui fleroient
Farsis, et puis si farsiroient
Faus pledeors à grant revel ;
Mult en menoient grant gaudel
Entr'els. Por le faus jugement
Qu'il font entr'aus communément,
Por le loier qu'il en atendent
Et por les deniers qu'il en prennent,
Dont il achatent les viandes
De quoi il font lor pances grandes,
Sont en Enfer mengié à jeie
Greignor que dire ne porroie.
D'aus font li queu un entremès
Tel que parler n'oïstes mes
De nule tel viande à cort ;
Quar c'est uns mes qui pas ne cort
Aus cors, ne pas n'en sont aprises ;
Quar li queu ont les langues prises
Des pledeors et tretes fors
Des gueules, et si les ont lors
Frites el tort qu'il font del droit.
Là ont les langues del tort droit
Et de lor faussetez mérites,
Quar ainçois qu'eles soient frites
Ne traînées par le feu.
Un maïstire eu font li keu ;
Quar de ce que furent loées
Des granz loiers, sont or loées
En burre, au mètre en la friture,
En cel feu et en celé ardure
Où li keu si les demenoient
Tout le malice avoec tioçoient
C'on puet en pledeor puisier,
Por la savor bien aguisier,
Tant que ce n'ert pas geus de veille.
De tels langues n'est pas merveille
Se cil d'Enfer ont les friçons
De plain panier de maudiçons
Droit sor ces langues embroïes,
Entre deux mençonges hocies.
Devant le roi el dois amont
Les portent ; c'est li mes el mont
Conques li rois plus desirroït,
Que ces langues. Quant il les voit,
Mult les loa : tuit les looient.
Qui veïst com langues aloient

Et cà et là communément,
Mander peiist tout vraiment
Aus parjurez, aus menteors,
Que langues de faus pledeors
Ne sont pas en Enfer blasmées,
Mes chier tenues et amées.
Après cel mes revint mult biaux :
De vielles putains desloiaus
Firent pastez à nos confrères.
Mult en delechoient lor lèvres
Tuit cil qui en Enfer estoient,
Por ce que les putains puoient.
En leu de frommages rostis
Nous douèrent enfanz murtris,
Qui furent gros comme sain ;
Mes nus frommages de gain
A cel mengier ne se puet prendre ,
C'on en trueve petit à vendre.
Après cel mes nous vint en haste
Bedel beté bien cuit en paste,
Papelars à l'ypocrisie,
Noirs moines à la tanoisie,
Vielles prestresses au civé,
Noires nonnains au cretonne,
Sodomites bien cuis en honte.
Tant mes que je ne sai le conte
Ont cil d'Enfer leenz eii :
De char forent trop bien peii,
Et burent, si com je devin,
Vilonies en leu de vin.
Bien sai, nus ne m'en puet deçoivre,
Trop à mengier et poi à boire
Ont en Enfer ; tele est lor vie.
Et lues que la cors fu partie,
Li rois d'Enfer tout maintenant
Parla à moi en demandant
Comment g'ere venuz à cort ;
Des noveles me tint mult cort
Que li deïsse, et je, sanz doute,
Li contai la vérité toute,
Comme à sa cort venuz estoie :
Bien sot que de rien n'i mentoie.
Li rois qui por lui déporter
Me fist un sien livre apoter
Qu'en Enfer et leenz escrit
Uns mestres qui mist en escrit
Les droiz le roi et les forpez,
Les fols vices et les fols fez
C'on fet et tout le mal afere
Dont li rois doit justice fere.

En cel livre me rouva dire ;
Tantost i commençai à lire.
Qu'en diroie ? En cel livre lui,
Et tant que en lisant connui,
En cel livre qui estoit tels,
Les vies des fols ménestrels
En un quaiier toutes escrites.
Et li rois dist : « Ici me dites,
« Quar ci me plest mult à oir,
« Si puisse il d'enfer joir,
« Que cest del plus plesant endroit.
Et g'i commençai tout à droit
Et tout au mieus que je soi lire ;
Des fols ménestrels pris à dire
Les fais trestout à point en rime.
Si bel, si bien, si leonime,
Que je le soi à raconter.
Et n'i remest riens à conter.
Péchiez ne honte ne reprouche
Que nus hom puist dire de bouche,
Que tout ne fust en cel escrit.
Comment que chascuns s'en aquit,
Que de chascun la plus vil teche,
Le plus vil pechié dont il pèche
I est escrit, jel sai de voir ;
Oublié ne voudroie avoir
Ce que je vi enz à nul fuer.
Je reting du livre par cuer
Les nons et les fais et les dis,
Dont je cuit encore biaux dis
Dire sanz espargnier nului.
Qu'en diroie ? En cel livre lui
Si longement corn le roi plot ;
Et quant assez escouté m'ot,
Tant com lui plot ne mie mains,
Doner me list dedens mes mains,
Quarante sols de deablies,
Dont j'achetai byffes jolies.
Après ce que je vous ai dit
Ne demora c'un seul petit
Que cil d'Enfer trestuit s'armèrent
Et puis sor lor chevas montèrent,
Si s'en aîèrent proie querre
Par le pais et par la terre ;
Mes je vous di sanz mespresure
Conques ne vi si grant murmure
Comme il firent à lor monter ;
Trop seroit grief à raconter,
Mes je ne sai, qu'en mentiroie.
Au partir me firent tel joie
Que ce fu une grans merveille.
Congié prent Raouls, si s'esveille ;

Et cis contes faut si à point
Qu'après ce n'en diroie point,
Por aventure qui aviegne,
Devant que de songier reviegne
Raouls de Houdaing, sanz mençonge,
Qui cest fablel fist de son songe.

Ci fine li Songes d'Enfer :
Dieus m'en gart esté et yver !
Après orrez de Paradis ;
Dieus nous i maint et noz amis !

Аннотация

Перевод аллегорической поэмы Рауля де Удана «Сон о Преисподней» (XIII в.).

*Восторгом встретили понятным
Мы фаршированных сутяг,
Судившихся и за пустяк,
Неправого суда искавших,
Во многих тяжбах понабравших
То отступных, то разных пеней,
То денег, или же имений,
Кто не чурался плоти груза,
Себе отрицывая пузо.
В Аду их кушают в охотку,
Довольно отправляя в глотку...*

Ключевые слова

ад; аллегория; видение; грех; образы каннибализма; поэзия труверов; Франция

Сведения о переводчике

Старцев Ярослав Юрьевич, г. Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН
e-mail: y_startsev@mail.ru

